

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Анахронизм, ставший предвестником	7
От автора	14
Пролог	15
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧЕНИЧЕСТВО	25
Глава 1. Начало	27
Глава 2. Жизнь среди империалистов	51
Глава 3. Инкогнито в Швейцарии	68
Глава 4. Школа диктатуры	88
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СПЛОЧЕНИЕ	109
Глава 5. Третий Ким у руля	111
Глава 6. Конец недоеданию	127
Глава 7. Пусть лучше боятся, чем любят	147
Глава 8. Прощай, дядя	168
Глава 9. Патриции Пхеньяна	184
Глава 10. Миллениалы и современность	202
Глава 11. Баскетбол с «шакалами»	219
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УВЕРЕННОСТЬ	237
Глава 12. Гости на празднике	239
Глава 13. Неугодный брат	259
Глава 14. Драгоценный меч	284
Глава 15. В пленау обаяния	306
Глава 16. Переговоры с «шакалами»	328
Эпилог	349
Благодарности	358
Примечания	364

АНАХРОНИЗМ, СТАВШИЙ ПРЕДВЕСТНИКОМ

Книгу, которую вы держите в руках, автор завершает следующим прогнозом: «Ким Чен Ын может быть уверен, что, если Трамп проиграет выборы, следующий президент не будет настолько благосклонен к северокорейскому диктатору». Когда «Великий преемник» выходил в свет в Соединенных Штатах, до американского голосования оставалось полтора года. Русское издание появляется на прилавках буквально накануне выборов, которые, как уверены комментаторы любого толка, будут беспрецедентными.

COVID-19, «холодная гражданская война» и личностный фактор делают ноябрь 2020-го рубежным. Первый президент США, встретившийся лицом к лицу с руководителем КНДР, может, подобно комете, пронестись по мировому политическому горизонту — оставить яркий запоминающийся шлейф, но быстро исчезнуть из поля зрения. Его собеседнику подобная участь не грозит — в северокорейской династической системе правят пожизненно, и только медицинские показания определяют срок нахождения лидера у штурвала. С этим, правда, у главного героя, если верить разнообразным слухам, не вполне благополучно. Но верно и иное — нет, пожалуй, на земле другого правящего клана, который так умело и охотно использовал бы мистификацию, в том числе об истинном состоянии верховных жрецов, для решения своих задач. Главная из которых — выживание системы в крайне неблагоприятных для нее условиях.

Корейская Народно-Демократическая Республика — один из самых удивительных феноменов международной политики конца XX — начала XXI в. Когда на рубеже 1980–1990-х гг., как карточный домик, рассыпалась мировая социалистическая система, все были уверены, что дни

«страны чучхе» сочтены. И уж тем более краха ждали в 1994 г., когда умер главный столп вероучения Ким Ир Сен, а на смену пришел Ким Чен Ир, сын основателя корейского социализма, сам авторитетом отца не обладавший. Однако с тех переломных событий мировой истории прошло 30 лет, у власти уже внук, а ожидавшихся перемен на Корейском полуострове так и не произошло.

Анализ внутренних причин того, почему экзотический режим оказался настолько устойчивым, — удел профессиональных корееведов, к числу которых автор предисловия не относится. Отчасти представление об особенностях существования Северной Кореи можно получить и из этой книги, хотя она, конечно, о другом. Это повествование о мировом селебрити, ставшем, как говорят о знаменитостях, иконой. Только вот чего? Рискнем сказать, что иконой, образом своего времени не только и не столько внутри собственного самобытного замкнутого пространства, сколько в глобальном масштабе.

Ким Чен Ын всегда был излюбленным персонажем западных карикатур — пухлый бутуз-поджигатель не совсем в своем уме переходил из сюжета в сюжет. Но ему удалось добиться того, о чем могли только мечтать и отец, и даже дед, — оказаться на равных с самым могущественным человеком мира, президентом Соединенных Штатов Америки. И дело, конечно, не в том, что, как твердят washingtonские недруги Трампа, он испытывает «вление, род недуга» к любым автократам, и чем они звероподобнее, зловреднее, тем милее экстравагантному президенту США. Да, Ким-третий оказался сильным и расчетливым игроком, виртуозно умеющим блефовать, балансировать на грани предельного риска, тонко чувствуя черту, за которую нельзя заходить, но до которой обязательно надо дойти. Трампа это, вероятно, бодрит. Но куда важнее, что Ким в утрированной форме отразил, сконцентрировал дух меняющегося времени. Новой эпохи, когда на место свода правил поведения и набора механизмов взаимодействия (пусть даже конфронтационного, но согласованного, как в годы холодной войны) пришла философия «каждый за себя», «сила самоцenna» и «поймай меня, если сможешь».

В 1990-е и 2000-е гг. Северная Корея повсеместно (даже среди ее симпатизантов) воспринималась в качестве причудливого, невесть как сохранившегося анахронизма. Ким Чен Ын превратил «цитадель чучхе» в органичный элемент международной среды, которая начала

заметно меняться примерно в то время, когда «великий преемник» возглавил страну (2011-й). Либеральный мировой порядок, пришедший, как были уверены в конце XX в., не просто надолго, а навсегда, стал расплзаться прежде всего под воздействием внутренних изменений в странах-лидерах. Повышение значимости военной силы. Начало процесса деглобализации, фрагментации экономического пространства планеты. Подъем политиков с нескрываемо авторитарными предпочтениями. Повышение роли государства, акцент на его ресурсы, возможности и потребности. Все большая неразборчивость в применяемых средствах, лишь бы вели к цели. Манипулирование нарративами, вышедшее на уровень создания многочисленных параллельных реальностей. Наконец, ускоряющееся размытие идеи о том, что существует некая универсально правильная модель развития, к которой так или иначе придут все. Подчеркивание ценности многообразия. Рост интереса к всяческой идентичности.

Если примерить эти международные процессы на КНДР, окажется, что все они имели там место с самого начала, причем в радикально выраженной форме. Северная Корея, конечно, не стояла совсем на месте, правление одной семьи на протяжении почти 75 лет не означает совершенное застывание форм. Но перемены явно уступали по скорости и масштабу темпам и глубине изменений в мире. И вот мировая политика, совершив полный оборот, миновав этап либеральной глобализации, снова сблизилась с тем, что всегда составляло основу чучхе. Опора на собственные силы — суть этой идеологии. Планета на себе испытала важность такого принципа весной 2020 г., когда каждая страна оказалась один на один с пандемией.

Успех Ким Чен Ына, его прорыв в высшую лигу «большой игры» связаны с тем, что, почувствовав фундаментальные сдвиги мировой ситуации, он стал взвинчивать ставки, действовать жестко и провокационно. Стопроцентная управляемость КНДР, обеспечиваемая репрессивной машиной. Способность подчинить всю страну решению конкретной геостратегической задачи (продвижение ракетно-ядерной программы). Отсутствие ограничителей внутри государства, в частности, никем не оспариваемое право на риск, связанный с желанием постоянно дразнить самые главные державы планеты. Умение, резко меняя амплуа, играть на международной арене то очень злого и при этом даже не вполне вменяемого следователя, то доброго

доктора-целителя историко-политических ран. Все эти обстоятельства обеспечили Киму качественно иной международный статус, чем его предшественникам.

В их времена ситуация в Северной Корее была похожей. Но в относительно упорядоченном мире, каким он являлся в годы холодной войны и еще приблизительно десятилетие после нее, нацеленные вовне эскапады были возможны только при поддержке или с санкции грандов — лидеров двух противостоящих блоков. Демократизация мировой среды, снижение контроля со стороны самых влиятельных держав предоставили больший простор для маневра «малым» и «средним». Тем из них, у кого хватало амбиций, воли и авантюризма не просто приспосабливаться к окружающим реалиям, а попробовать менять в свою пользу если не их самих, то свое в них место. И здесь Ким Чен Ын служит образцом того, как, имея на руках весьма скромные карты, можно сыграть ва-банк и банк этот сорвать.

Но блеф — опасная игровая тактика, рано или поздно наступит момент, когда в него перестанут верить. Политическая фортуна переменчива, особенно в условиях, когда все пошло вразнос повсеместно. В отношении КНДР возможны два сценария. Резонно предположить: если идеи чучхе выжили, когда фактически все были против них, то в нынешнем разнобое им и подавно светит дальнейшее существование. Только успевай менять тактику и обрываешь, глядя, как остальные вцепились друг другу в глотки. Но возможно и другое. В условиях передела мира, по-настоящему беспощадной схватки гигантов за влияние очень рискованно строить политику исключительно на кураже, участвовать в соревнованиях заведомо не своей весовой категории. Гамбургский счет обнажит подлинную состоятельность каждого из борцов. И тогда окажется, что Анна Файфилд права: рукопожатия и переговоры с Дональдом Трампом действительно были кульминацией политической истории Северной Кореи и ее самого амбициозного лидера Ким Чен Ына.

Впрочем, она с удивлением пишет и следующее: «Через семь десятилетий после создания КНДР я не заметила трещин в фасаде коммунистической державы». Возможно, чучхе еще продолжит нас удивлять.

Федор Лукьянов,
главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

*Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать: «Я рад!» — когда на сердце скорбь,
И увлажнять слезой притворной щеки,
И принимать любое выраженье.
Людей сгублю я больше, чем сирена,
И больше их убью, чем василиск;
Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
Обманывать хитрее, чем Уллсс,
И как Синон, возьму вторую Трою;
Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрей Протея облики сменяя,
В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венца не получу?**

У. Шекспир. Генрих VI (часть III, акт III, сцена II)

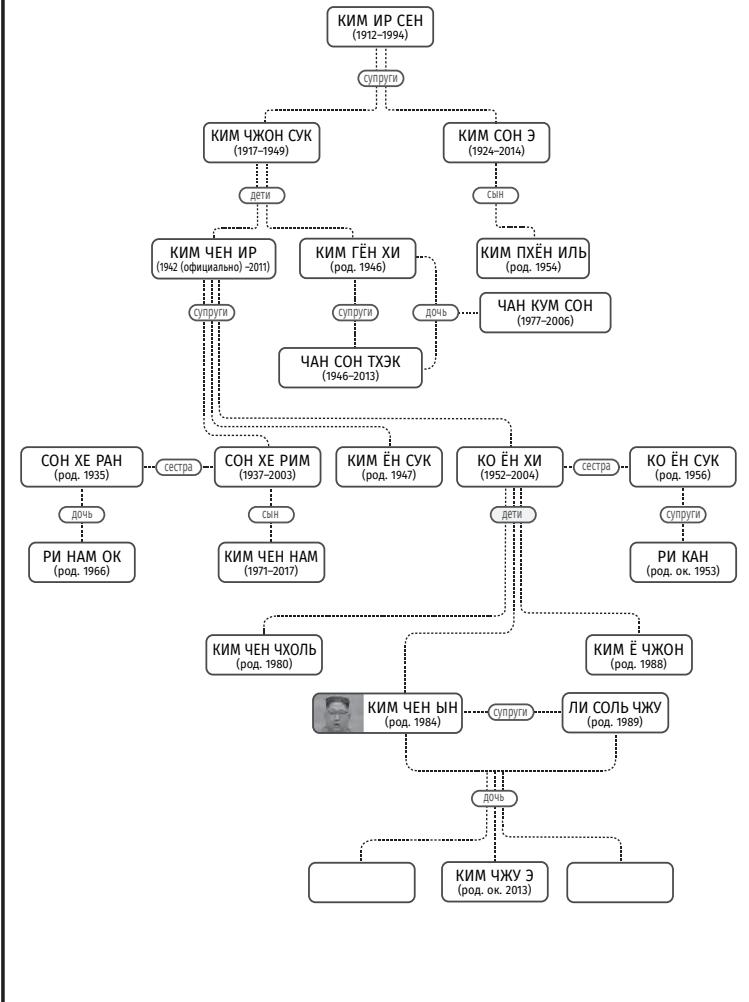
* Пер. Е. Бируковой.

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

РОДОСЛОВИЕ КИМ ЧЕН ЫНА

(избранные персоны)

ОТ АВТОРА

Многие беглецы из Северной Кореи, упомянутые в этой книге, просили не называть их настоящих имен. Они боятся подставить под удар оставшихся в КНДР родных. В таких случаях я использую псевдонимы или не называю имен вовсе.

Для северокорейских имен и названий я применяю северокорейский вариант транслитерации: Ким Чен Ир, а не Ким Чоныль, Ри, а не Ли и пр.

Пролог

Я сидела в самолете компании Air Koryo, рейс 152, в Пхеньян, в шестой раз в жизни собираясь в столицу Северной Кореи и впервые — после того, как власть в КНДР перешла к Ким Чен Ыну. На календаре было 28 августа 2014 г.

Для репортера поездка в Северную Корею — неизменно удивительный, завораживающий и обескураживающий опыт, но предстоящий визит сулил новый уровень сюрреализма.

Например, рядом со мной сидел Джон Андерсон, 140-килограммовый профессиональный рестлер из Сан-Франциско, известный под псевдонимом Крепыш и прославившийся использованием таких приемов, как некбрейкер нырком и бросок гориллы.

Я оказалась в бизнес-классе рядом с Андерсоном (да, у авиакомпании коммунистического государства есть классы), потому что на мое место в экономклассе попросился пассажир, которому хотелось сидеть рядом с другом. Мы устроились в красных креслах немолодого «Ила», напоминавших белыми салфетками на подголовниках и золотистыми бархатными подушками мебель из бабушкиной гостиной.

Андерсон — один из трех американских рестлеров, которые, выйдя в тираж, всплыли в Японии, где благодаря своим габаритам обрели популярность, утраченную дома. В Японии у них были какая-никакая слава и доход. Но они не прекратили искать новых возможностей, и вот троица летит на небывалое

шоу: первый в истории Пхеньянский международный турнир по рестлингу, фестиваль боевых искусств, организованный Антонио Иноки, японским рестлером с квадратной челюстью, который борется за мир на Земле.

Пока мы взлетаем, Андерсен рассказывает мне, что ему любопытно увидеть, какова Северная Корея на самом деле, а не в американских медийных стереотипах. У меня не хватает духу сказать, что его ждет балаган, не первое десятилетие работающий именно для того, чтобы ни один приезжий ни в коем случае не увидел, какова Северная Корея на самом деле, и что ему не встретить ни одного случайного человека и не попробовать обычной местной еды.

В следующий раз я увидела Андерсена в эластичных черных шортиках (кто-то сказал бы, что это трусы) с надписью «КРЕПЫШ» на заду. Он, красуясь, вышел перед 13 тысячами тщательно отобранных северокорейцев на арену пхеньянского Дворца спорта имени Чон Чжу Ёна, и динамики загремели: «Вот это крутой мужик!»

Без одежды он выглядел еще больше. Меня поразили его бицепсы и мышцы бедер: казалось, кожа у него вот-вот лопнет, как оболочка на сосиске. Могу только представить, как это зрелище потрясло корейцев, многие из которых пережили голод, унесший жизни сотен тысяч их сограждан.

Через несколько секунд на помост вышел еще более огромный рестлер, Боб Сэпп, в белой накидке с блестками и перьями. Одетый скорее для Марди Гра, чем для страны-изгоя.

«Рвать!» — завопил Андерсен, и они с Сэппом бросились на двух японских рестлеров куда более скромных габаритов.

Это было столь же экзотично и поразительно, как и все, что мне приходилось видеть в Северной Корее: американский фарс в стране с самой чудовищной на свете пропагандой. Зрители на трибунах, неплохо знакомые с показухой, довольно

скоро сообразили, что происходящее на ринге тщательно срежиссировано и это больше спектакль, чем спорт. Поняв это, публика смеялась над кривлянием рестлеров.

А вот я никак не могла разобраться, что здесь понарошку, а что по-настоящему.

Минуло шесть лет с моего последнего приезда в эту страну. В тот раз я была здесь зимой 2008 г. с Нью-Йоркским филармоническим оркестром. Происходящее в той поездке показалось мне поворотным моментом в истории. Самый прославленный оркестр США играет в государстве, построенном на ненависти к Америке. Флаги двух стран, будто обрамление, стояли по бокам сцены, на которой музыканты исполняли «Американца в Париже» Джорджа Гершвина. «Может быть, какой-нибудь композитор в свое время создаст музыку под названием “Американец в Пхеньяне”», — сказал дирижер Лорин Маазель корейцам, сидевшим в зале. Затем оркестр сыграл «Ариран» — горестную корейскую песню о разлуке, которая явно растрогала даже этих тщательно отобранных пхеньянцев.

Но поворота не случилось.

В том же году «любимый руководитель» Ким Чен Ир перенес тяжелый инсульт, едва не лишивший его жизни. С этого момента северокорейский режим заботило только одно: чтобы устояла династия Ким. За кулисами прорабатывались планы передать власть младшему сыну Ким Чен Ира, которому тогда было всего 24.

Внешнему миру о коронации Ким Чен Ына объявили лишь спустя два года. Когда это случилось, некоторые аналитики надеялись, что новый лидер окажется реформатором. В конце концов, он получил образование в Швейцарии, путешествовал по миру, познакомился с капиталистической системой. Разумеется, он попытается что-то из увиденного там принести в Северную Корею.

Подобными ожиданиями сопровождался приход к власти в Сирии в 2000 г. офтальмолога Башара Асада, стажировавшегося в Лондоне, надеялись и на наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда ибн Салмана, который посещал Кремниевую долину и, придя к власти в 2017 г., разрешил женщинам водить машины.

В случае с Ким Чен Ыном сначала тоже были основания для надежд, как думал, например, Джон Делури, эксперт-китаист из сеульского Университета Ёнсе. Джон пытался найти признаки того, что молодой руководитель принесет Северной Корее реформы и процветание, как в Китае это сделал в 1978 г. Дэн Сяопин.

Преобладали даже более смелые надежды — на крушение системы. От Сеула до далекого Вашингтона многие аналитики и официальные лица смело предсказывали — когда шепотом, а когда и во весь голос — народные волнения, массовый исход в Китай, военный переворот, неминуемый крах режима. За всеми этими апокалиптическими спекуляциями стояла одна общая мысль: разумеется, диктатура не сможет пережить передачу рычагов третьему поколению династии Ким, тем более если этому Киму 20 с небольшим, он учился в престижных европейских школах, фанатеет по «Чикаго буллз» — и не имеет, насколько известно, никакого военного или чиновнического опыта.

Виктор Чха, главный переговорщик с Северной Кореей в администрации Джорджа Буша-младшего, предсказывал на страницах *The New York Times*, что режим рухнет через несколько месяцев, если не недель.

Пожалуй, Чха был в своих прогнозах самым категоричным, но далеко не единственным, кто так думал. Большинство наблюдателей считали, что конец близок. Мало кто верил, что Ким Чен Ын способен удержать страну.

Я тоже в этом сомневалась. И не могла представить, чтобы Северной Кореей правила третье поколение Кимов. Я много лет следила за Северной Кореей издалека и вблизи. В 2004 г. газета *Financial Times* отправила меня в Сеул корреспондентом в обеих Кореях. И это стало началом долгой страсти.

За четыре года я побывала в Северной Корее десять раз, считая пять репортажных поездок в Пхеньян. Я посещала монументы Кимов, интервьюировала государственных чиновников, хозяйственников, университетских профессоров — неизменно в присутствии моих неотлучных контролеров. Они сопровождали меня, чтобы я вдруг не увидела такого, что поставит под сомнение тщательно выписанную для меня картинку.

Я постоянно выискивала проблески правды. Несмотря на все старания режима, нетрудно было заметить, что в стране разруха и все не так, как тебе показывают. Экономика едва дышала. Страх был в каждом взгляде. А аплодисменты Ким Чен Иру, которые я слышала, стоя в каких-то 50 метрах от него на пхеньянском стадионе в 2005 г., казались фонограммой.

Эта система не могла дожить до третьего поколения.

Или могла?

Эксперты, что предсказывали радикальные реформы, ошиблись. Те, кто прогнозировал неминуемый крах системы, заблуждались. Ошиблась и я.

В 2014 г., после шестилетнего перерыва, я вернулась в Корею в роли корреспондента *The Washington Post*.

Через несколько месяцев после назначения и почти через три года после прихода к власти Ким Чен Ына я отправилась в Пхеньян освещать турнир по рестлингу. Так журналисты делают, чтобы получить визу в Северную Корею.

Я поразилась. Я знала, что в столице строительный бум, но даже не представляла его размаха. Казалось, в каждом

втором квартале в центре города строится многоэтажный жилой дом или кинотеатр. Прежде увидеть на улице даже трактор было редкостью, но вдруг повсюду грузовики и краны, помогающие строителям в оливковой военной форме возводить здания. Раньше на улицах на меня никто даже не поднимал глаз, хотя иностранец был редкой птицей. Прохожие шли мимо, опустив глаза. Теперь атмосфера в городе стала легче. Люди лучше одеты, появились специальные площадки, где дети гоняют на роликах, и в целом нет былой напряженности. Жизнь в этом городе-витрине явно оставалась суровой: очереди на троллейбус-развалюху все так же длинны, по-прежнему всюду сгорбленные старушки, куда-то тащащие на плечах огромные тюки, по-прежнему ни одного толстяка. Даже просто упитанного. Ну кроме Единственного. И все же было видно вся кому, что Пхеньян, город северокорейской элиты, которая обеспечивает Ким Чен Ыну власть, — не гибнет. Через семь десятилетий после создания КНДР я не заметила трещин в фасаде коммунистической державы. За эти годы мир видел появление и царствование многих жестоких тиранов, угнетавших народ ради личных интересов. Иосиф Сталин. Пол Пот. Иди Амин. Саддам Хусейн. Муаммар Каддафи. Фердинанд Маркос. Мобуту Сесе Секо. Мануэль Норьега. Среди них были доктринеры и клептократы. Многие — и то и другое. Были и случаи диктаторских династий. На Гаити «Папа Док» Дювалье передал власть сыну, «Бэби Доку», а сирийский президент Хафез Асад оставил пост сыну Башару. На Кубе Фидель Кастро устроил передачу власти брату Раулю. Но семья Ким необычна тем, как долго держит в своих руках страну. За годы правления Ким Ир Сена, первого вождя КНДР, в США сменились десять президентов, первым из которых был Гарри Трумэн, а последним — Билл Клинтон. В Японии — 21 премьер-министр. Ким Ир Сен почти на 20 лет пережил Мао Цзэдуна,

на 40 — Сталина. Северная Корея уже просуществовала дольше, чем Советский Союз.

И мне хотелось узнать, каким образом этот молодой человек и унаследованный им режим держатся вопреки всему. Хотелось собрать всю информацию о Ким Чен Ыне, какую только можно будет найти.

В поисках ключей к этому самому загадочному из лидеров я решила поговорить с каждым, кто когда-либо его встречал. Неблагодарный способ: так мало людей с ним общалось и даже среди этих немногих лишь ничтожная часть провела в его обществе сколько-нибудь заметное время. Но я продолжала искать любые зацепки.

Нашла тетю и дядю Ким Чен Ына, которые были его опекунами, пока он учился в Швейцарии. Я отправилась в швейцарскую столицу Берн, надеясь что-то понять о поре формирования его личности, сидела возле дома, где он жил, гуляя вокруг школы.

В замызганной харчевенке в Японских Альпах я дважды обедала с Кендзи Фудзимото, оставшимся не у дел поваром, который готовил суши отцу Ким Чен Ына и стал будущему лидеру кем-то вроде товарища по играм. Я беседовала с людьми, которые сопровождали в Северную Корею баскетболиста Денниса Родмана, и слышала от них рассказы о пьянстве и сомнительном поведении вождя.

Узнав, что старший единокровный брат Ким Чен Ына Ким Чен Нам убит в Куала-Лумпуре, я тут же вскочила в самолет и через несколько часов стояла на месте убийства. Я ждала у морга, куда увезли его тело, и наблюдала, как входят и выходят озабоченные северокорейские аппаратчики. Я отправилась к северокорейскому посольству и обнаружила, что, устав от репортёров, там просто свинтили звонок на воротах.

Я нашла кузину Ким Чен Нама, женщину, которая стала ему, по сути, сестрой и долгие годы поддерживала с ним связь

после своего бегства из страны и его изгнания. Четверть века она жила под новым именем, совершенно другой жизнью.

Затем случился дипломатический ажиотаж 2018 г., и находить людей, встречавшихся с лидером Северной Кореи, вдруг стало проще.

Южнокорейцы с американцами организовали саммиты Ким Чен Ына, Мун Чжэ Ина и Дональда Трампа. Я встречалась с людьми, которые беседовали с Ким Чен Ыном в Пхеньяне, от южнокорейской певицы до немецкого спортивного функционера. Кортеж Ким Чен Ына промчался мимо меня в Сингапуре. Я старалась выбрать как можно больше информации из каждого рассказа об этом загадочном властителе. Я постоянно спрашивала дипломатов из миссии КНДР при ООН — светских людей, селившихся на острове Рузвельт-Айленд в Ист-Ривер, который иногда в шутку называют нью-йоркской социалистической республикой, — как бы мне взять интервью у Кима. Это была смелая просьба, но вовсе не безумная. В конце концов, Ким Ир Сен в 1994 г., незадолго до смерти, пригласил на обед группу иностранных журналистов. Поэтому всякий раз, когда мы встречались (неизменно за обедом в одном и том же ресторане в средней части Манхэттена, где эти дипломаты всегда заказывают филе-миньон за \$48, не обращая внимания на блюдо дня), я спрашивала. И всякий раз мне хохотали в лицо. А в последний раз — это было в середине 2018 г., через месяц после встречи Ким Чен Ына с Дональдом Трампом — лощеный дипломат, ответственный за американскую прессу, Ри Ён Пхиль, посмеявшись, ответил: «Мечтать не заканчивается». Вместо мечтаний я отправилась собирать сведения о реальной жизни за пределами бутафорской столицы, в те места, куда режим не позволял мне попасть. Я находила людей, которые знали Ким Чен Ына не лично, а из-за его политики, — граждан Северной Кореи, живших под его

властью и сумевших от нее ускользнуть. За годы, что я пишу об этой стране, я познакомилась с множеством, может, даже не с одной сотней, людей, бежавших из государства Кимов. Их часто называют перебежчиками, но мне это слово не по нраву. Оно подразумевает, что, сбежав от тирании, эти люди совершили что-то недостойное. Я предпочитаю называть их беглецами или беженцами. Сейчас все труднее находить среди них тех, кто готов рассказывать. Отчасти потому, что при Ким Чен Ыне поток беженцев уменьшился до тоненькой струйки из-за ужесточения погранохраны и повышения уровня жизни внутри страны. А отчасти потому, что многие беженцы ждут за свои свидетельства платы, а это для меня этически недопустимо.

Тем не менее с помощью неформальных организаций, помогающих северянам бежать и устраиваться в Южной Корее, мне удалось встретиться с десятками людей, согласных говорить без денег. Это были люди разных занятий: чиновники и коммерсанты, весьма неплохо жившие в столице; жители приграничных областей, зарабатывавшие рыночной торговлей; бывшие заключенные, попавшие в кошмарные чучхейские тюрьмы за самые пустячные прегрешения. Среди этих людей встречались и те, кто верил, что новый молодой лидер принесет перемены к лучшему, и те, кто гордился, что Ким Чен Ын развернул ядерную программу, какой нет у богатых соседей Северной Кореи.

С кем-то я встречалась в Южной Корее, чаще всего — в пригородных барбекю-ресторанчиках, куда мои собеседники приходили после дневной работы. С другими мы беседовали на берегах Меконга, где они ненадолго задержались в своем опасном путешествии — сидя на полу в номерах захудальных лаосских и тайских гостиниц.

Больше всех рисковали те, с кем я встречалась в Северном Китае. Китай считает беглецов из Северной Кореи экономи-

ческими мигрантами, а это значит, что если их схватят, то отправят обратно, где их ждет жестокое наказание. Но эти люди, скрываясь в снятых квартирах, не страшились делиться со мной своими историями.

Сотни часов интервью, записанных на территории восьми стран, помогли мне собрать пазл под названием «Ким Чен Ын».

Картина, сложившаяся у меня, не сулит ничего хорошего тем 25 миллионам, что по-прежнему заперты в границах Северной Кореи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЧЕНИЧЕСТВО

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru